

вышли поздней ночью. До нашей деревни оставалось 30 километров. Шли всю ночь, по песчаной дороге было очень трудно идти, ноги вязли в песке. Хотелось скорее домой, плакали, но шли. Шурпач Степан понимал, что если дети сядут на дороге отдохнуть, то заснут, чтобы нас подбодрить, он рассказывал, как нас ждут дома. Очень хотелось пить. В конце деревни Великое Поле сделали отдых, подошли к реке Птичь, жадно пили с ладошек. Вода дала силы, после реки мы оживились. Оставалось 3 километра. Только девочка Маргарита, которая работала со мной на кухне, уже не могла идти совсем, у неё очень болели почки. Шурпач Степан нес её на руках.

Рано утром мы прибыли домой. Это было примерно начало августа [1945 г.], мама накопила немного картошки, мы сварили её, так отпраздновали моё возвращение.

После войны училась, за время войны пропустила 2 года. За год неграмотные дети проходили два класса: до 1 – января 1-й класс (изучали букварь), с 1 января – 2-й класс».

Расследование уголовного дела по факту геноцида белорусского народа продолжается органами прокуратуры Гомельской области. Допрашиваются участники уголовного процесса, в том числе бывшие несовершеннолетние узники мест принудительного содержания, их родственники и иные свидетели, располагающие значимыми сведениями по уголовному делу. Запись с воспоминаниями Бельской О. С. также поможет сохранить память и донести до следующих поколений факты о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1 Акты Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Копаткевичского района Полесской области БССР от 30 января 1945 г. // НАРБ. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 190. Л. 133–133 об., 137 об.

УДК 261.2 “19/20”

НЕОЯЗЫЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ФИЛОСОФСКОМ ЭССЕ И. АБДИРАЛОВИЧА «ИЗВЕЧНЫМ ПУТЕМ»

И. А. ГРИЩЕНКО

Учреждение образования

«Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого»

В 1990-е годы в Беларуси большой популярностью пользовалось философское эссе Игната Абдираловича «Извечным путем». После развала СССР все бывшие советские республики стояли на распутье, решая, какой вектор развития выбрать. Беларусь не была исключением. Тема историче-

ского пути развития белорусов актуализировалась, чем и объясняется популярность вышеупомянутого эссе И. Абдираловича.

Настоящее имя автора философского эссе «Извечным путем» Игнат Владимирович Кончевский (1896–1923). По окончании Виленского реального училища он продолжил обучение в Петербургском технологическом институте, Московском университете и на Высших кооперативных курсах при университете А. Л. Шанявского. Работая в различных кооперативных учреждениях Вильно, Смоленска, Минска, он увлекся поэзией и активно печатался как поэт и публицист в виленской прессе под псевдонимами Ганна Голубянка и Игнат Абдиралович. Последний псевдоним, скорей всего, был взят по имени главного героя повести М. Горьцкого «Две души».

В 1921 году в Вильно вышло небольшое философское эссе «Извечным путем» («Адвечным шляхам»), которое И. Абдиралович издал небольшим тиражом. Через полтора года автор умер от туберкулеза. В БССР эссе И. Абдираловича, пролежав шестьдесят семь лет в хранилищах спецфондов, было опубликовано только в 1988 году.

Эссе И. Абдираловича наполнено тревогой за будущее белорусского народа, который исторически всегда был в состоянии колебания между Западом и Востоком. Эта неопределенность, по мнению автора, привела к тому, что белорусский народ не создал выразительной культуры. И в то же время, Абдиралович делает вывод, что основным признаком истории белорусского народа является непринадлежность ни к той, ни к другой культурной традиции: «Мы не зрабіліся народам Усходу, але не прынялі й культуры Заходняй Эўропы» [1]. Вывод Абдираловича в этой связи: белорусы должны выработать свои формы социально-экономической, политической и культурной жизни.

Однако с определением «своего» у автора явная проблема, которая начинается с попытки осознать духовные корни белорусов. Абдиралович рассматривает язычество восточнославянских племен как некую народную, а потому исконную веру. Христианизацию же он воспринимает как духовную экспансию, в результате которой «толькі па форме мы лічыліся каталікамі або праваслаўнымі». Далее идет совсем неожиданное утверждение, что якобы «толькі найбольш дрэнныя, духова-распусныя элементы нашага народу, як даўней – шляхта, а ў апошнія часы – частка страціўшай сувязь з народам інтэлігэнцыі, ўцяклі ад беларускага карэння, пакідаючы народ на свой ўласны лёс». «І народ застаўся жыць сам па сабе: духовым жыццём – з ідэаламі і перакананнямі паганскай веры» [1].

Такая позиция свидетельствует либо о невежестве автора, либо об ущербном национальном чувстве. Языческие традиции сохранялись в том или ином виде не только на белорусских землях. Определить же, насколько глубоко язычество пустило корни в белорусскую духовную традицию по сравнению с другими славянскими народами, довольно проблематично,

особенно в обычаях сельских жителей. Трактовать же язычество как исконно народную веру некорректно, поскольку оно соотносится с определенным этапом исторического развития народа. Христианство предлагает совершенно иную картину мира, и язычество не выдерживает конкуренции. Идея любви к ближнему, милосердие, благочестие – все это для язычества пустой звук, поскольку обожествление природы автоматически делает законы материального мира законом и для человека («зуб за зуб», выживает сильнейший).

О том, что изменилось в сознании восточных славян с Крещением Руси, свидетельствуют многочисленные примеры христианского благочестия. «Поучение» Владимира Мономаха детям и для современных родителей не теряет своей актуальности: «Не имейте гордости ни в уме, ни в сердце <...> не забывайте убогих и по силе, как можете, кормите их.<...> Все, что дал нам Господь, не наше, а только поручено на короткое время. В землю сокровищ не зарывайте – это великий грех. <...> Старика почитайте как отца, а молодых, как братьев. В деле своем не ленитесь. Больного посетите, покойника проводите и не оставляйте никого без привета; скажите всякому доброе слово <...> Что знаете полезного, не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. <...> Творите добро, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего по отношению к Церкви» [2, с. 22]. Такой текст не мог написать язычник. Тот же князь Владимир Мономах простил Черниговского князя Олега, который убил его сына, своего крестника. В примирительном письме он написал: «Я не враг тебе и не хотел твоей крови. Не боязнь и не крайность заставляет меня говорить таким образом, но совесть и душа, которая мне всего на свете драгоценнее» [3, с. 81]. Князья Борис и Глеб – первые святые Руси – отказались от братоубийства. Это делает честь нашим предкам, увидевшим красоту и принявшим мудрость христианского учения. Церковь уничтожила многоженство и поспособствовала преодолению пренебрежительного взгляда на женщину, характерного для язычества. Церковь положительно восстала против языческого умыкания невест и сделала женщину субъектом имущественного права [4, с. 257–258]. Просвещение – не случайный результат влияния Церкви; оно неизбежный ее спутник [4, с. 262]. Если равноапостольный князь Владимир остался неграмотным, то о Ярославе Мудром известно, что он знал греческий язык и делал с него переводы. Его сын Всеволод (отец Владимира Мономаха) знал пять языков [4, с. 266]. В домонгольский период грамотность была достаточно распространена у восточных славян по сравнению с Западной Европой. Такие произведения, как «Слово о законе и благодати» митр. Илариона, Слова и молитвы Кирилла епископа Туровского являют собой образцы высокого литературного искусства и глубокой богословской мысли. Игнат Абдиралович почему-то игнорирует и эти факты, и деятельность преп. Евфросинии Полоцкой. Восточнославянские племена за относительно короткий срок с момента приня-

тия крещения развили свой художественный стиль, освоили грамоту, разработали нормы права и, пожалуй, главное, воспитали вкус к благочестию. Если только по форме белорусы считались католиками или православными, а в глубине своей оставались язычниками, как утверждал Абдиралович, то как могли появиться Софийский собор в Полоцке и Каложская церковь в Гродно, белорусская иконописная школа, обретшая в XVI веке собственный образно-пластический язык и первопечатник Франциск Скорина?

Для Абдираловича Ф. Скорина – пример ищущего своей идентичности белоруса, правда поиски эти проходят в каком-то диком пространстве, где нет духовной почвы, а потому и корней пустить невозможно: «з глыбіні вякоў пазірае на нас Скарына, такі ж вагаўшыся, шукаючы, і, жадаючы нас, кажа: «Над зімнымі хвалямі Дзвіны я быў візантыйцам – Юрым, а ў Кракаве, куды мяне пацягнула за эўрапейскаю ведай, – лацінкам Францішкам. А дапраўды, я ня быў ні Юрым, ні Францішкам, а быў вольным, незалежным духам, якога вы шукаеце, духам агульначалавечым толькі ў беларускай скуры» [1]. Странно, что Скорина в пересказе Абдираловича именует себя византийцем. Православные в Великом княжестве Литовском называли себя «руськими», и их историческая память оказывается гораздо крепче, чем у автора философского эссе.

Полагая, что белорусы «шукалі па чужых дарогах», Абдиралович культурные корни белорусского народа просто обрубает, обращение же его к образу Ф. Скорины, после ностальгического воспоминания о языческих богах, свидетельствует о непоследовательности в рассуждениях автора эссе. Почему Абдиралович игнорирует тот текст, изданием которого занимался белорусский первопечатник? В предисловии к «Псалтыри» (1517 г.) Ф. Скорина отмечал, что это «сокровище всіх драгих скарбов. <...> Псалом детем малым початок всякое доброе науки, дорослым помноженіе в науце, мужем мощное утверждене» [5, с. 14]. Абдираловича, как апологета язычества, не смущает тот пиетет, который испытывал Ф. Скорина к Библии. Обращение Скорины к протестантскому опыту в деле перевода Священного Писания для Абдираловича – лишнее доказательство некоей духовной всеядности и неопределенности белорусского духа. И опять далее идут рассуждения о чуждости христианства и неприятии его восточными славянами: «Як тая Рагнеда, ўзятая ў палон кн. Валадзімірам, Беларусь павінна хрысьціць сваіх дзяцей пад прымусам на ўсходні ўзор, але выховавае іх на стары капыл паганцамі, ў нялюбасьці да ўсходняга хрысьціянства» [1]. В расчет не берется ни сонм христианских подвижников, ни культурная работа, осененная светом христианского учения, ни то обстоятельство, что рассуждения самого Абдираловича про «ўсечалавечый ідэал» не могли родиться в парадигме язычества.

У автора «Извечного пути» странное хронологическое восприятие событий: что приходило на белорусские земли первым, что вторым, – все спутано. «Прышла рэфармацыя, кінуліся беларусы шукаць новае слова, але і но-

вае слова іх не задаволіла. Толькі старыя муры па вёсках і мястэчках сьведчаць, што ў самае сэрца Беларусі прыйшло кальвінскае казаньне, але не затрымалася, памёрла. За ім прыйшло каталіцтва». Далее робіцца вывод, што духоўны свет, сусветнае ўзгляд беларуса аморфны: «Паміралі паганскія багі, а новых так і ня прызнаў беларускі народ. <...> І вось, прыпадкова, дзеля чыста тэрыторыяльнай стычнасці то з ўсходняй, то з заходняй культурай беларусы падзяляюцца на дзве часткі, але застаюцца варажымі і няпрыхільнымі да абедзвюх» [1].

Гісторычны досвед навука беларускі народ ўдвумчывасці, асцярожнасці, адмовы рубіць с плеча. Прасловутая толерантнасць, адзначаемая, калі гаворка заходзіць аб беларускім менталітэце, не з'яўляецца аднозначна станоўчым якасцю. Толерантнасць – гэта не толькі тэрпнасць, але і адсутнасць супрацівлення. Адно справа – уважальнае адносіны да прадстаўнікоў іншай нацыі, канфесіі, і зусім іншае – адсутнасць супрацівлення духоўным хварэям, чужым уплывам, што вядзе да страты нацыянальнай ідэнтычнасці і духоўнаму вырожджэнню.

Беларускі народ пры сваёй схільнасці мірна ўжывацца з прадстаўніцтвамі розных канфесій прадэманстравал негнучымую волю ў абароне сваіх правоў, паколькі уважэнне падразумевае ўзаемнасць. На працягу XIV–XV ст. праваслаўныя ВКЛ дасягалі роўнага становішча з каталікамі, экспансія якіх змяцна набірала абароты. На рубяжы XVI–XVII ст. – цяжэйшае процістаянне царкоўнай уніі. Захоўванне праваслаўя ў часе XVI–XVIII ст. у Беларусі не магло складацца без упорнай працы падвіжнікаў. Дзейнасць княгіні Соф'і Слуцкай, князя Канстанціна Канстанцінавіча Астрожскага, князя Грыгорыя Хадкевіча, архіепіскапа Мелетія Смотрицкага (да яго ўкланення ў унію), архіепіскапа Лазаря Баранавіча, духоўнага пісатэля Сімеона Полоцкага, архіепіскапа Георгія Коніскага, пэчатніка і прасветітэля Спірыдона Соболя, праваслаўных манастыроў і братстваў – прыклад кропатлівай працы на ўзроўні духоўнага ўхавання народа.

Чаму Ігнат Абдыралавіч не ўбачыў гэтага гісторычнага досведу свайго народа? Магчыма, што-то тлумачыць гэты факт, што Абдыралавіч увалкаўся тэафіяй. Гэта акултнае эзатэрычнае рухавік характэрызавецца як сінкрэтэчыская рэлігія, адсюды і духоўная ўсёаднасць яе адпэцваў. Ігнат Влалдыміравіч Канчэвскі (Абдыралавіч) пражыў маленёкую жыццё. Магчыма, пражыві ён доўжша, у яго было б чэс ўвучыць доскональна гісторыю і духоўную традыцыю ўласнага народа. Але на гэты момант, калі пісалася эсэ «Ізвечным шляхам», аўтар быў ў шорах сваіх прадубежджэнняў і шляхах тагдышніх стэраётыпаў.

Сучасныя даследаватэлы беларускай культуры, спецыялісты ў вобласцях геапалітыкі любяць ссылацца на разсуджэння І. Абдыралавіча аб ўплыве Запада і Востка на душу беларуса і неабходнасць вырабавы

тять «нешта сваё, роднае, блізкае, арганічнае» и «ісьці пароўні з іншым на будоўлю новага агульначалавечага ідэалу» [1]. Вопрос только в том, на что опирается этот аморфный общечеловеческий идеал? Говоря об актуальности текста Абдираловича, исследователи порой восторженно отмечают, что и сегодня это эссе читается «скорее как произведение нашего современника, нежели только как свидетельство своего времени» [6, с. 148]. Однако этот тезис весьма двусмыслен и вызывает не восхищение, а определенную настороженность. Сегодня мы сталкиваемся и с религиозным невежеством, и с духовной всеядностью, и с популяризацией неоязычества в различных вариациях. Если невежество студенчества можно как-то понять и извинить, то для профессионалов-гуманитариев дилетантство непростительно. Вот какое определение христианству дается в учебном пособии для 10-го класса «История Беларуси с древнейших времен до к. XVIII в.», изданном в 2020 году издательским центром БГУ: это «одна из самых распространенных и развитых мировых религий, последователи которой поклоняются единому Богу, создавшему мир и человека «по образу и подобию своему» (в отличие от языческого многобожия)» [7, с. 178]. Несколькими страницами далее делается вывод: «В отличие от язычества христианская вера в единого Бога соответствует идее единовластия в государстве, а значит, была ей опорой» [7, с. 182]. Авторы учебного пособия для белорусских старшеклассников вообще не упоминают Иисуса Христа, поэтому из «определения», данного христианству, не понятно, чем оно отличается от иудаизма и ислама. Зато языческим богам восточных славян отведено в учебнике гораздо больше места. Увязка единобожия с единовластием совершенно противоречит историческим фактам. Например, язычество не помешало установлению единовластия в Римской империи, а князь Владимир пытался ввести единый языческий пантеон на Руси до своего крещения.

Как будто вторя Абдираловичу, авторы учебного пособия отмечают, что «христианизация вытеснила народную культуру из повседневной жизни», ставя между народной культурой и язычеством знак равенства. Автор «Извечного пути» сокрушался: «Страціўшы ў сабе вольнага паганца, што маліўся пню, зьліваўся духам з вялікімі сіламі зямлі, пяяў прыгожыя песьні, сустрачаючы вяснянкамі Вясну або хаваючы Купалу, што мог вольна адпавядаць і вольнаму дыханьню ветру і руху свае душы, – страціўшы ўсё гэта, беларус ня ўбачыў нічога прынаднага і ў новым складзе жыцьця» [1]. Вот и умиляются современные авторы «шлюбу Бацькі-Купалы і Маці-матэрыі» [6, с. 151]. Не удивляет поэтому, что в упомянутом учебном пособии слова «Писание», «Евангелие» написаны с маленькой буквы.

По привычке исследователи продолжают отмечать в жизненной позиций И. В. Кончевского (Абдираловича) и преданность белорусскому делу, и любовь к Отечеству, и самоотверженную работу на благо народа. Но раскрывающая драматизм исторической судьбы этого народа, не позволительно усу-

гублять этот драматизм откровенным историческим и духовным невежеством, возводя его в идейный принцип.

Список литературы

- 1 **Абдзіраловіч, І.** Адвечным шляхам / І. Абдзіраловіч // Pandia.org. – URL: <https://pandia.org/text/80/149/49107.php> (дата обращения: 04.11.2024).
- 2 **Тальберг, Н.** История Русской Церкви / Н. Тальберг. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – 960 с.
- 3 **Доброклонский, А. П.** Руководство по истории Русской Церкви / А. П. Доброклонский. – М. : Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 2001. – 936 с.
- 4 **Карташев, А. В.** Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1 / А. В. Карташев. – Минск : Белорусский экзархат, 2007. – 719 с.
- 5 **Батвіннік, М. Б.** Азбука на ўсе часы / М. Батвіннік. – Минск : Бел. навука, 2003. – 288 с.
- 6 **Новік, І. М.** Культурныя канатацыі эсэ «Адвечным шляхам» І. Канчэўскага / І. М. Новік // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – № 4 (115). – 2019. – С. 148–154.
- 7 **Белозорович, В. А.** История Беларуси с древнейших времен до к. XVIII в. : учеб. пособие для 10 класса / В. А. Белозорович, С. А. Кудрявцев, А. В. Любый. – Минск : Издательский центр БГУ, 2020. – 271 с.

УДК 94(4) “1914/19”

ВОЕННЫЕ СУДЬБЫ УРОЖЕНЦЕВ г. ГОМЕЛЯ, СЛУЖИВШИХ В 160-м АБХАЗСКОМ ПЕХОТНОМ ПОЛКУ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

П. В. ДЕНИСЕНКО

*Государственное учреждение образования
«Гомельское кадетское училище»*

Во второй половине XIX в. территория Российской империи была разделена на военные округа и область Войска Донского. Большая часть белорусских земель входила в Виленский военный округ. Являясь пограничным, округ находился на особом учете в Военном министерстве. В декабре 1891 г., с целью усиления мобилизационной готовности, Александром III было принято решение о переводе в Беларусь дополнительно 38-й и 40-й пехотных дивизий с одноименными артурами [1].

40-я дивизия разместились в Минской и Могилевской губерниях. Все полки этой дивизии носили «кавказские» названия: 157-й Имеретинский, 158-й Кутаисский, 159-й Гурийский, 160-й Абхазский. Эти названия были даны в связи с первоначальным формированием полков на Кавказе. 160-й пехотный Абхазский полк квартировал в Гомеле [2].